

Синицыны птицы

Наталья Чернышева

...Качели замирают в высшей точке и стремительно падают вниз, останавливая время и сердце. Пыльный, выщербленный асфальт встает перед глазами. Обратным движением — вверх! Ступни в красных сандаликах втыкаются в облака. Ух!

Внезапный оборот «солнышком». Головой вниз-вперед, шортики скользят по предательски скользкой дощечке, отполированной до блеска дворовой ребятней. Пальцы, не выдержав, разжимаются — медленно-медленно. И так же медленно наплывает грибок детской песочницы. Яркий. Красный с белым. Мухомор.

Огромный мир и большая рука, подхватила и — держит, держит... Лицо юной великанши с седыми бровями и темной родинкой на левой щеке.

— Катерина! — Плеткой хлещет нелюбимый голос. — Домой!

Ладонь подбрасывает: лети. Ветер в спину, свист крыльев, больно бьет в пятки земля. Мир вновь замыкается тесным колодцем двора.

Аниверова вскинулась на своей постели в холодном поту. Эхо уходящего кошмара дрожало в пальцах, ползло по спине холодной липкостью. Бешено частило сердце. Что конкретно приснилось, не помнила.

Что-то.

Страшное.

Аниверова нашарила босыми ногами тапки, встала, дернула со спинки кровати пушистый халат. В окнах синело серединой ночи; взгляд на часы — половина второго. Май.

Вид с балкона открывался на залив. Чистый, промытый вчерашним дождем воздух, тонкий, с горчинкой, запах Treasure, громадный гулкой простор, от края до края. Раскинуть руки, два шага, взлететь в эту полуночную синь, раствориться в хмельном движении полета навсегда... Н-да. Двадцать пятый этаж. Отсюда если и взлетишь, то только один раз. И вниз. Мокрое некрасивое пятно, анатомичка, жадное любопытство зевак...

Аниверова резким движением затушила сигарету. Не для того она шла к личному успеху столько лет, чтобы из-за глупой блажи расплескать мозги по асфальту. Она поднялась буквально со дна, сделала себя сама, ставила для себя недостижимые на первый взгляд цели и добивалась их — сама. Не через постель и не через наследство богатенькой тетушки (дядюшки, бабушки... etc.). Сама. Чего ей это стоило, знала только она одна.

Глухой всплеск, и круги по темной, даже на взгляд холодной, воде...

Нет.

Это было давно.

Это было не с нею.

Этого не было вообще!

Она поняла, что не уснет, после очередного — двадцатого? — переворота на другой бок. Протянула руку, взяла с прикроватной тумбочки планшет.

ФАНТАСТИКА

Мельком новости... На юге и в Африке война, курс доллара снова поднялся, Равшана Куркова свозила маму на Мальдивы, погода: +15, завтра +18, слабый дождь. Гороскопы: «Не стоит брать на себя дополнительные обязанности или пытаться решить сразу несколько проблем, сегодня такой подход не будет иметь успеха. День хорош для совместной работы, однако лучше выбирать в напарники только проверенных людей: это время не годится для создания новых коллективов».

Закладка на собственный блог в Живом Журнале.

Меня читают успешные люди

Хороший заголовок. Хороша и фотография на закрепленной записи: подтянутая красавица в купальнике на пляже с разноцветной галькой, рядом с молоденькой сосенкой. Пицунда. Аниверова любила Пицунду. Могла поехать на те же Мальдивы хоть завтра, но Пицунда — это Пицунда. Вам не понять.

— Ваш любимый женский образ в киноискусстве?

— Кэтрин Трэмелл

Накал страстей по последней записи на беспроегрешную нынче политическую тему заметно утих. Нехорошо, надо подумать, что к вечеру вбросить. Чтоб их проняло, чтобы завертелись ужом. Комментарии глубже первого-второго уровня Аниверова никогда не читала, но гроздья прицепленных к изначальному высказыванию ответов доставляли некое извращенное удовлетворение, от которого просто так не откажешься. Особенно рьяное быдло конечно же приходилось стирать и банить, ну и что. Даже хорошо. Это была власть. Власть и наслаждение в одном флаконе, пусть виртуальные, но все же. Дополнительный бонус к реальной жизни.

В реале завтра будет рекламная киносъемка.

На этой мысли Аниверова закрыла глаза и уснула. Планшет выпал из разжавшихся пальцев на одеяло и через минуту отключился сам.

Звали ее Синицей. Никто не знал, откуда она взялась. Поговаривали, будто в лихие девяностые девочке поставили неизлечимый диагноз и мать, доведенная до отчаяния нищетою, к которой добавлялся теперь еще и астрономический счет за лечение, привела дочь на мост через Обводный канал и столкнула ее вниз. Дело было зимой, слякотным и дождливым декабрем, вода в канале еще не замерзла, хотя и схватывалась по утрам тонким ледком. Девочка как-то спаслась, но поседела и навсегда осталась в детстве, в своих одиннадцати годах. Судя по тому, сколько уже лет она неприкаянно бродила по дворам, никакого неизлечимого диагноза не было и в помине. Врачи ошиблись.

А Синицей блаженную прозвали за любовь к птицам, прежде всего именно синицам, хотя слетались к ней все проживавшие во дворе пернатые. Даже вороны.

Ворон, впрочем, Синица не любила. Не била, не пинала, но брезговала, сторонилась, отворачивалась от них. Так иные люди на червей смотреть не могут, на опарышей и прочую склизкую гадость. Вороны, самое что смешное, это понимали. Никогда не подходили близко, держались на расстоянии, уныло каркая. Но и улететь по своим делам отчего-то не могли.

Взрослые обходили дурочку стороной, пряча глаза. Дети... дети любили. До определенного возраста. Рано или поздно наступал момент, когда вчерашний ребенок внезапно осознавал весь неловкий стыд общения с сумасшедшей. И детство отворачивалось от него, как от мокрой вороны, — навсегда...

— Да. Что хотите. Как хотите! — рубила Аниверова в телефон. — Вырезать. Что? Значит, переснять! Никаких альтернатив. Нет. Да, понимаю. Готова нести расходы. Жду завтра.

Отключила телефон, бросила его на стол. Свела вместе кончики пальцев, чтобы успокоиться. Ну почему? Почему, стоит им только начать хорошо зарабатывать, их тут же раздувает до размеров бегемота?! Соловьева, прекрасный продажник, приносит в кассу фирмы неплохой доход. Но запустила себя ужасно. Проклятье, есть же тренажерный зал, бассейн, обруч, наконец! И меньше жрать!

Приходила возмущаться. Еще и с амбициями девочка. Посмотрела бы лучше на себя в зеркало! Сколько там по договору официально? Двенадцать тысяч? Прекрасно, КЗоТ так КЗоТ. Отрабатывай положенные две недели, на выходе — оплата по договору. Все. Закрой дверь с той стороны.

Чтобы успокоиться, Аниверова взяла планшет и тиснула в блог запись с заголовком «Худейте, мрази!». В качестве иллюстрации привела кадр из неудавшегося рекламного ролика. Где она, Катерина Аниверова, директор, стройная и подтянутая красавица, на контрасте с расплывшейся жабой старшего менеджера.

Стук в окно. Назойливый, еще при неприятном разговоре с Соловьевой отмеченный стук. Аниверова досадливо оглянулась. За стеклом ходила маленькая птичка с желтенькой грудкой. Склоняла головку, смотрела то одним глазом-бусинкой, то другим. Потом цвиркнула что-то веселое и стремительно порхнула прочь. Сердце глухо бухнуло и провалилось в пятки, от внезапного испуга открылась едким потом спина.

Тенью подступающего безумия метнулось в памяти небо, синее небо в стальную клетку, и мерзкие желтые птицы на узком подоконнике, птицы, которых подкармливали все, кому не лень, птицы, которых она, Аниверова, однажды сумела отравить и так от них избавиться если не навсегда, то надолго...

Мать лупила почем зря. За загубленную молодость, за одинокую жизнь, за все на свете. Жалкая неудачница, она так и не сумела выбраться из коммунальной, пропахшей затхлой плесенью квартиры на Моховой в одну из тех новеньких многоэтажек, что в изобилии строились в элитных районах города.

Но подлинный ад начался, когда мать наконец-то привела в дом мужика. И тот решил стать образцовым папочкой. Образцом же он полагал суровое воспитание.

Он не был насильником, отчим. И садистом не был тоже. Он просто добра желал своей падчерице. Просто желал добра.

— Ненавижу! Ненавижу обоих! Ненавижу! Вырасту — убью!

Синица слушала с безмятежным спокойствием, далекая от всех этих житейских проблем. Кто-то за ней все же присматривал: блаженная всегда была чисто одета, роскошные седые волосы собраны в длинную, до колена, косу, обувь на ногах соответствовала сезону. Пахло от нее вовсе не бомжатником, а дождем, растертыми в пальцах листочками герани, сосновой смолой, чем-то еще, лесным, природным, приятным.

Внезапно Синица вытянула руку и каркнула по-вороньи. На предплечье ей тут же опустилась большая птица, серая с черными крыльями и огромным клювом. Зареванная девчонка отшатнулась, забыв про слезы: она впервые видела ворону так близко. А дальше...

Синица накрыла ворону второй рукой. И медленно, неумолимо сомкнула пальцы. Крик боли, почти человеческий, оборвался: от птицы остался кровавый комок, который дворовая дурочка мяла пальцами, как пластилин.

— Да ты... ты... ты! — Воздуха не хватало, расправа над вороной ужасала своей обыденностью, похоже, Синица делала это не в первый раз. — Ты что делаешь?!

Сумасшедшая раскрыла ладони, подставляя их солнцу. Ветер срывал с ее пальцев алые капли. То, что осталось от птицы, зашевелилось, обретая новую форму. Миг, и в небо рванулся с ликующим криком стремительный силуэт.

Взгляд Синицы, утративший обычную сонную безмятежность, словно бы говорил: видишь? Даже ворона может стать ласточкой, если ей помочь. Родители ведут себя плохо? Дай им шанс исправиться. Просто дай шанс.

— Да пошла ты! — Потрясение отступало под натиском здравого смысла: руки у дурочки вновь обрели идеальную чистоту, следовательно, никакой вороны не было и в помине, а был гипноз или что-то типа того.

— Пошла ты! Сумасшедшая! Дура!

Под ногу подвернулся поребрик, не удержала равновесия, упала, больно приложившись копчиком. Синица уже уходила, увозя с собой свою птичью свиту. И, как всегда, прыгали за нею по земле две-три вороны, протяжно, тоскливо каркая...

Аниверова шла к своей машине, нервно прокручивая кольцо с ключами на пальце. Нехорошо сосало под ложечкой. Мир вокруг казался враждебным и серым, хотя конечно же это просто действовала так на нервы бестеневая погода. Затянувшие небо облака собирались выпустить к вечеру обложной моросящий дождь. Типичная питерская погода: с утра солнце и лето, к вечеру осень и дождь.

Жизнь удалась. С какой стороны ни посмотри. Ведь даже в яме с небом в стальную клеточку можно обзавестись *нужными связями*. Если проявить ум и сообразительность, сообразительность и ум.

Но отчего тогда так пасмурно на душе сейчас? Откуда этот едкий холодок страха? Бесит. Все хорошо. Ведь все хорошо же!

Она стояла рядом с машиной, невысокая угловатая девочка с длинной светлой косой, с множеством птиц на плечах, руках, голове. Аниверова забыла опустить ногу, забыла дышать. Накативший ужас приказывал бежать, бежать без оглядки. Но убежать не вышло. Девочка обернулась. Птицы вспорхнули в воздух, заматались живым галдящим ковром. Синицы, воробы, ласточки, дрозды. Только ворон почему-то не было ни одной...

Синица.

Дурочка из детства.

Господи, откуда взялась, как нашла? Сколько ведь лет прошло! Что ей надо?

Что. Ей. Надо?

Блаженная протянула ладони, словно даря Аниверовой маленькую птичку с желтенькой грудкой. Возьми. Твое. Птичка склонила головку, лукаво рассматривая женщину маленьким глазом-бусинкой. Берешь? Нет?

— Оставь меня в покое! — заорала Аниверова, преодолевая испуг.— Слышишь? Катись отсюда на все четыре стороны! На Пряжку! Там тебе самое место.

Она шагнула вперед, толкнула Синицу плечом, убирая с дороги, и...

Мир опрокинулся и расширился, внезапно и страшно, до предела.

Ночной город дышал призрачной тишиной. Падал снег, щекоча пылающее лицо мягкими мокрыми хлопьями. Сверток на руках беспокойно возился. Ребенок, не сумевший открыть дорогу в мир новеньких многоэтажек: все наследники элитных квартир, по сути своей, козлы. Глухой всплеск, и круги по темной, даже на взгляд холодной, воде...

И дикие, полные безмолвного ужаса глаза Синицы.

Дурочка, оказывается, шла следом от самого дома. Но она не расскажет. Не сможет. Она всегда молчит. Всегда! А больше не видел никто. Самое время уйти, раствориться на улицах города навсегда. И начать путь к успеху без тяжелой гири новорожденного на руках...

ФАНТАСТИКА

Взгляд Синицы, пугающе-строгий, вонзался в душу без наркоза.

Казнь вороны всплыла в памяти острой режущей вспышкой. Ужас накрыл с головой. Я не хочу! Дай мне шанс, я поняла, я все поняла, пожалуйста, я готова испустить... я... я...

Из горла вырвалось хриплое:

— Кра...

Синица уходила, бережно прижимая к сердцу маленькую птичку. Остальная стая с криками вилась над нею, рассаживалась по плечам, рукам, голове, цеплялась за одежду.

Серая ворона неловко прыгала следом, тоскливо и обреченно вскрикивая:

— Кра-кар. Карррр, карррр...